

мере сходным образом) отражается в данных языках. Национальная специфика проявляется в разнообразии лексических номинаций, несовпадении объемов значений языковых единиц (звукоподражаний) и образует соответствующие картины мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков С.Т. Полное собрание сочинений.– Т.4.– Спб., 1886.
2. Базарова Д.Х. К этимологии некоторых древнетюркских названий птиц // Советская тюркология.– 1975.– № 4.– С. 11–22.
3. Базарова Д.Х. О народно-этимологическом осмыслении некоторых звукоподражательных названий птиц в узбекском языке // Советская тюркология.– 1975.– № 5.– С. 96–100.
4. Вопросы теории частей речи. На материале статей различных видов.– Л.: Наука, 1968.– 343 с.
5. Добровольский В.Н. Звукоподражания в народном языке и народной поэзии // Этнографический сборник.– М., 1894.– № 3.– С. 80–81.
6. Птицы СССР.– М.: Наука, 1968.– 637 с.
7. Словарь современного русского литературного языка.– М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
8. Щербак А.М. Изобразительные слова // Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречие, служебные части речи, изобразительные слова).– М.: Наука, 1987.– С. 123–139.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- А – Азбука для самых маленьких
 А.Т.– Алексей Толстой
 Дж.Б.– Джафер Бекиров
 К.Ч.– Корней Чуковский
 М.Ш.– Михаил Шолохов
 С.У.– Сейран Усеинов
 С.– Словарь крымскотатарский-русский
 Ч.– Антон Чехов
 Э.– Э. Дерменджи, А. Шемсединова

Поступило в редакцию 20.03.2002 г.

*Аргуткина А.
 (Львов, Украина)*

О ЧИСЛОВОМ КОДЕ РУССКИХ ЗАГАДОК

Своеобразным отражением в языке картины мира являются загадки. В них актуализируется информация о том, какие ассоциации вызывает соответствующая реалья, какими второстепенными признаками она характеризуется. Как отмечает Л.Н. Пелепейченко, «содержательно-фактуальная информация загадки всегда является ложной, а содержательно-подтекстовая информация – истинной, помогающей найти отгадку» [5, с. 93]. Особенность загадки состоит ещё и в специфическом сочетании

структурных и семантических признаков, эксплицитных и имплицитных элементов. В загадке признаки предмета представлены, неизвестным является предмет и слово, называющее реалию. Тема чисел и их роли в загадке достаточно многоаспектна. Обращение к жанру загадки объясняется тем, что он восходит к глубокой древности и, следовательно, сохраняет элементы мифологического мышления человека. «Загадка – это своеобразное испытание сообразительности отгадывающего. Понятие «загадка» происходит от древнерусского глагола «гадати» – «думать», «рассуждать», отсюда – «гадание» – «раскрытие скрытого»» [2, с. 92]. Загадка является энтимемой, средством убеждения. Воздействие энтимемического характера – это особый вид риторической стратегии, который не строится по правилам логики и основывается на общем фонде знаний слушающего и говорящего. Учёные предполагают, что появление загадок связано с целой системой запретов, существовавших для древнего человека.

Древняя загадка обращена прежде всего к осознаваемому человеком Космосу, Вселенной, при том особом мироощущении, когда Макромир и Микромир воспринимаются как идентичные и сосуществующие в Едином. Т.М. Николаева отмечает, что в ведийских загадках при разгадывании найденный смысл всегда нов и единственен, что «открытие, обретение смысла всегда нечто сверхъестественное, всегда чудо, доступное лишь для носителя высокой мудрости» [4, с. 318]. Можно предположить, что аналогия, принцип аналогического соотнесения ситуации является фактором, объединяющим загадку и другие жанры фольклора.

Изложим наиболее общие наблюдения о числовом коде в загадках «космологического» круга и о так называемых «числовых» загадочных текстах:

Следует отметить, что роль чисел в русских загадках, по существу, до сих пор остаётся не выясненной и, видимо, не осознанной, по крайней мере, в том объёме, который определяет их роль в текстах «загадочного» жанра. Во многих загадках число становится главным элементом, а счёт – основной операцией подобного текста.

Когда говорят о «числовом» коде русских загадок, имеют в виду те случаи употребления чисел, когда они становятся конвенционально признанным и по сути дела – кодифицированным элементом языка загадок как особой знаковой системы, формально во многом совпадающей с системой «естественного» языка, но по сути дела всё-таки иной. Это отличие проявляется в выборе чисел, их употреблении применительно к тем или иным элементам описания, в самом типе кодификации, в системе импликации и, наконец, в семантике.

Следует обратить внимание на категорию счётности, которая встречается в указанных ранее сборниках. Несмотря на то, что в русской «энигматической» традиции, как она представлена в данном сборнике, загадки о числе, цифре, счёте, в отличие от загадок о букве, письме и чтении, полностью отсутствуют, но сама операция счёта-считания в «загадочной» части, несомненно, присутствует или, по крайней мере, подразумевается. Ср.: Носить могу, а сосчитать не могу. – Волосы (№ 1463); Счёт ведёт, дюжину отсчитает и сызнова начинает. – Календарь (№ 4993). Загадка предполагает, что и отгадчик должен уметь считать в ходе отгадывания. Так, набор чисел в загадке – «Триста листов, пятьдесят туманцов, двенадцать ерманцов» понятен, если сосчитать их сумму – 362, что, по мнению загадывающего, равно году. Таких загадок, где отгадчик

должен совершить операцию сложения, немало. В загадках-задачах, тяготеющих к тому же, к парадоксу, в частности языковым и ситуационным ловушкам, отгадчику предстоит проделать и более сложные операции счёта, прежде чем он найдёт разгадку. Счёт в той или иной мере предполагается и в загадках с вопросом Сколько? или с конструкциями Сколько...столько, ср.: Стоит городок. Сколько сереньких домков, столько беленьких жильцов.– Подсолнух (№ 15).

Числовая «анкета» объектов, подлежащих разгадке в «загадочных» текстах, как отмечает В.Н.Топоров, не только отсылает к некоторым существенным особенностям разгадываемого объекта, которые к тому же содержат важную информацию, облегчающую решение эвристических задач, но и отражает архаические ритуалы измерения и счёта основных параметров Вселенной, сакрального пространства, священных объектов [см. об этом: 6]. Причём речь идёт не о понятии числа в процессе его становления, а о числе самостоятельном, существующем уже в контексте более или менее обширного числового ряда (системы). В.Н.Топоров считает, что в архаических культурах такие числа были ещё не полностью десемантизированы [цит. по: 7, с. 629].

Достаточно легко заметить неоднородность «числовой» парадигмы в загадках. Первый десяток образует непрерывный ряд (при этом ноль отсутствует); «один», как правило, выступает как число лишь в более широком числовом контексте; наиболее высокая частотность в русских загадках космологического характера у числа «два», где оно относится к небу и земле, солнцу и месяцу, огню и воде, то есть к объектам, сотворение которых, собственно, и означало возникновение мира – Вселенной. Ср.: Двое стоячих, двое ходячих, да два здорника, два разбойника, разорителя.– Небо и земля, солнце и месяц, день и ночь, огонь и вода (№ 3); Два быка бодутся – вместе не сойдутся.– Небо и земля (№ 6). Связь неба и земли с идеей двучастного мира и даже с самим именем числительным «два» в индоевропейских традициях хорошо известна. Эта связь распространяется и на соответствующие предикаты: небо и земля и в других традициях нередко статичны, тогда как солнце и месяц двигаются и (часто) не сходятся вместе. «Один – одно» определяет прежде всего единство как целостность, не данную, а именно сотворённую, и подлинная ценность – единство возникла только с созданием человека. Человек же в русских загадках нередко загадывается в числово-инструментальном коде со сквозной числовой доминантой «два», которая определяет и небо – землю (мир) в их двуединстве, ср.: Две ходули, два махала, два смотрило, одно кивало.– Человек (№ 1375); Двое ходят, двое смотрят, двое болтаются, один водит и показывает.– Человек (№ 1376). Но не только человек, а и другие заполнения мира – животные, насекомые, деревья, жилища, вещи имеют в загадке принцип числового кодирования, который в значительной части обеспечивает связь объектов мира, являющихся предметом загадывания и разгадывания, и тем самым некое, пусть и относительное, единство самого мира, ср.: Два братца в воду глядятся, век не сойдутся.– Берега [1, № 19]. Среди чисел первого десятка гораздо реже встречается число «четыре», ср.: Четыре брата под одной шляпой стоят.– Стол и ножки стола [3, № 3563]; Четыре брата бегут – друг друга не догонят.– Вёдра [1, № 29].

Второй десяток чисел представлен в загадках многочисленными лакунами: нет

«11», «13», «15 – 19», значимо отсутствие числа «17», отмеченного в мифопоэтических текстах. Редко встречается число «14», лишь в загадках о времени, точнее – о днях недели с различением дня и ночи, замыкающих нисходящий ряд «год – время года – месяц – неделя», ср.: Стоит дуб, на дубу двенадцать гнёзд, на каждом гнезде по четыре синицы, у каждой синицы по четырнадцать яиц: семь беленьких да семь чёрненьких. – Годы, месяцы, дни, ночи, неделя [3, № 4947]. Число «12» встречается по преимуществу в загадках о месяцах года.

Ряд чисел третьего десятка столь же ущербен как по количеству элементов ряда (только «20», «24» и «25»), так и по частотности – все эти числа встречаются редко; это относится и к кратному «12» числу «24», ср.: ... в каждом крыле по двадцать четыре пушинки. – О членении года (№ 4946); У матери двадцать деток, все детки – однолетки. – Наседка с цыплятками [1, № 8]. Совсем отсутствует число «27», играющее значительную роль в числовой символике мифопоэтических текстов. В четвёртом десятке представлены только три числа – тридцать, тридцать три и тридцать пять. Число «30» относится к дням недели, к годам жизни, к зубам, ср.: Тридцать куриц – все без хвостов. – Зубы [3, № 1481]. Число «33» ассоциируется в «загадочном» коде с предметами быта, едой, ср.: Летят тридцать три ворона, несут тридцать три камня... – Поставы на мельнице (№ 2828); Тридцать три сели на коня, поехали в огонь. – Пельмени (№ 4320). Число «35» встречается в единичном случае, ср.: Через тридцать пять валов лазит птичка без крылов. – Таракан (№ 829). Пятый десяток представлен только числом «сорок», но названное число встречается довольно часто и при этом – с разными определяемыми при отнесении к разным загадываемым денотатам, ср.: сорок рубашек, отсылающих к курице (№№ 955, 957); сорок недель в тюрьме – о младенце в материнском чреве (№№ 1328, 1329); сорок пелёнок, сорок ризок (№№ 2462, 2477); сорок поросят, сорок братцев, сорок цыган – о потолочинах и матице (№№ 3009, 3011, 3014); сороконожка – о железной дороге (№ 4513), а также полсорока – о каменке в бане, шипящей от воды (№ 2931). Из шестого десятка загадки используют два числа – «50» и «52»; к первому из них относятся следующие, ср.: пятьдесят концов – о бисере (№ 41520), пятьдесят лебедей – о Духовне дне (№ 5135) и другие; ко второму – ср.: пятьдесят два сокола – о неделях года (№№ 4943, 4945), пятьдесят два лебедя – о семи неделях Великого поста и Пасхе (№ 5144). Седьмой десяток представлен лишь числом «60», ср.: шестьдесят лет – курица – о человеке (№ 963). Восьмой десяток представлен числами – «70» и «77». К числу «70» относятся следующие «загадочные» коды, ср.: Не шит, не кроен, а весь в рубцах. Семьдесят одёжек, а все без застёжек. – Капуста [1, № 12]; дед семидесяти лет – о кресте [3, № 5032]; семьдесят одёжек – о курице (№ 963); семьдесят листов – о петухе (№ 993). Девятый десяток в «загадочных» текстах не представлен.

Число «сто» (или «сотня») представлено более чем полусотней примеров, и к тому же весьма многообразных – и по связям с определяемым, и по соотносённости с разными объектами, подлежащими разгадке. В ряде случаев «сто» неоднократно повторяется в одной и той же загадке, ср.: Стоит сто столбов, у ста столбов сто колец, у ста колец сто кистей, у ста кистей сто ветвей. – Хмель (№ 2674), и как бы принудительно втягивает в своё поле и соседние слова, соответствующим образом трансформируя – «стозируя» их, ср.: То-сто вито-сто, перевито-сто, кто сто отганёт, тому сто рублей, тому сто плетей. – Бусы (№ 4151); То-сто, и вито-сто, кто отгадает –

тому все сто. – Бедро (№ 4659). Несомненно, что в большинстве случаев с числом «сто» связывается идея максимальной полноты – целостности, замкнутости. Разнообразие определяемых при числе «сто» и кодируемых им объектов, подлежащих разгадке, весьма велико, ср.: Сто дорог. – Звёзды на небе (№ 30); Дед, ему сто лет. – Мороз (№ 3620); Сто гостей, сто постель. – Брёвна (№ 2998); Сто холстов на сто концов. – Блины (№ 4257); Рубль бежит, сто догоняют. – Охота на зайца (№ 4737).

Составление словарей загадок двух типов, первый из которых фиксировал бы полный список определяемых числами слов, а второй – соответствие чисел (вместе с определяемыми ими словами) подлежащим разгадке объектам, дало бы полное представление об образности загадки, её поэтике и логике в определённом фрагменте «загадочного» корпуса и тем самым – о соответствующей модели мира загадки и соотносимом с нею типом ментальности. Число в загадке теряет свою первоначальную чёткость, а затем мифологизируется, эстетизируется, включаясь иногда в сложную метонимически-метафорическую игру. Общее количество конкретных воплощений распределения чисел внутри загадки определяется десятками, и во многих случаях само это варьирование вполне осмысленно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Детям на потеху: Русские народные песни, загадки, пословицы / Сост. Э.В. Померанцева. – М.: Детская литература, 1983. – 63с.
2. Загадка // Энциклопедический словарь юного литературоведа / Сост. В.И.Новиков. – М.: Педагогика, 1987. – С.92 – 94.
3. Загадки / Изд. подготовила В.В.Митрофанова. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1968. – 255с.
4. Николаева Т.М. «Модели мира» в грамматике паремий // Филологический сборник к столетию акад. В.В.Виноградова. – М., 1995. – С. 316 – 325.
5. Пелепейченко Л.Н. Многоуровневый характер отражения действительности в языковой картине мира // Вісник Львівського університету. – Серія філологічна. – Львів, 2000. – Вип. 28. – С. 87 – 96.
6. Топоров В.Н. О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. – М.: Наука, 1980. – С. 3 – 58.
7. Чистякова Е.І. Символ як число в теорії символізму (з приводу філософських роздумів Андрія Белого) // Філософська і соціологічна думка. – 1989. – №6. – С. 87 – 92.

Поступило в редакцию 25.03.2002 г.

*Бурбаев Т. К.
(Астана, Казахстан)*

ЕВРАЗИЙСКИЕ МОТИВЫ КАЗАХСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Слово «менталитет» в последнее время стало применяться часто, и не только в научных статьях, но и в бытовом обиходе. А лет десять назад оно было знакомо лишь отдельным специалистам. И то многие из них тогда старались проявлять осторожность, охотнее заменяя термин «менталитет» такими понятиями, как «идеологическое сознание», «новое мышление», «человеческий фактор», дабы не противоречить общей методологической